

Национальная черта

В этот год на Советский союз свалилась Олимпиада, а я подал документы в реставрационное училище в Питере.

Экзамены предстояли в августе. На Неве я прожил уже год, поступив после восьмого класса в лесохозяйственный техникум. Всё детство мечтал стать лесничим, но проза жизни оказалась жестче мечты. Не имея никакой материальной поддержки, пытался совмещать учебу с работой за ползарплаты в кочегарке, иначе невозможно было устроиться в пятнадцать лет. «Берегли» тогда детство.

Но такое совмещение измотало, и меня начало уж покачивать от перегрузок и постоянного недоедания. И я бросил техникум. Вместе со мной его покинул по совершенно иным причинам мой одноклассник - Лёха, со смешной фамилией Хамандиков. Невысокий и чернявенький, шустрый и хулиганистый парнишка вылетел за неуспеваемость и гулянки.

Я решил стать художником, Лёха – моряком. Немаловажным фактором в моем выборе училища было то, что там было трехразовое бесплатное питание.

До экзаменов было месяца три, и нас с Лехой, благодаря стараниям его родственников, устроили в головной ГИПРОЛестранс. Этот НИИ был режимным, но на набор работников для экспедиции смотрели сквозь пальцы. Нам предстояло с геодезической партией отбыть на Дальний Восток, но руководство что-то переиграло, и нашу экспедицию отправили в Новгородскую область изыскивать две лесовозные трассы.

Поселились мы в валдайской деревне Яжелбицы, сняв пустующий большущий дом по соседству с клубом.

«Я желаю биться», - от этой фразы произошло название этого места, здесь Благоверный князь Александр Невский собирал войско на вражью немецкую силу.

Видимо, энергия ратных сражений была настолько велика, что сохранилась почти тысячу лет. Бились возле клуба ежедневно. Местные с местными, с солдатами из военной части, с другой деревней. Это было повседневностью, которая происходила во время танцев.

Иногда мы созерцали эти бои, сидя вечером на крылечке нашей избы, но большую часть времени мы работали. Вставали в шесть утра, уезжали в лес и там валили деревья под просеку, бегали с рейками и теодолитами, мотобурами и пробами почвы. Возвращались в избу очень поздно, когда все ратные бои заканчивались. Либо были настолько уставшими, что падали без сил.

Возглавлял нашу партию седой и лысоватый Роман Абрамыч, а главным инженером был Борис Борисыч - редкий интеллигент и умница. Еще был доцент с питерской лесотехнической академии, который каждое лето таким способом зашибал деньги, и

несколько студентов–пятикурсников. Шофер Сашок – мастер на все руки, вот и вся экспедиция.

Чуть позже приехала работать поварихой Наташка – сестра жены нашего главного инженера. Она только что закончила пединститут по специальности «математика на английском», и была настоящей русской красавицей. Её длинные волосы и небесные глаза туманили наши с Лехой головы.

Иногда выпадало несколько дней, когда тяжелый ежедневный труд заканчивался, и весь инженерный состав садился за чертежные доски и какие-то таблицы. Мы с Лехой были почти свободны, не считая мелких поручений.

Через деревню бежала речка и, пройдя за избу метров пятьдесят под горку, попадаешь на большую речную распадину. Разлившаяся вширь речка дробилась на множество уютных островков, заросших тальником. Местные считали, что вся рыба здесь повывелась. Леха опроверг это мнение, каким-то чудом добывая жирных ельчиков и увесистых голавлей. Он был одержим рыбалкой. Наташка всё это вкусно жаривала.

Эти счастливейшие дни мы пропадали на речке. Купались и загорали. Иногда на речку спускалась охладиться Наташка, что приводило нас в полный ступор. В шестнадцать лет созерцать налитую предзамужним соком молодую полуобнаженную женщину было пыткой, но такой томной и сладкой пыткой, которая напрочь выбивала из равновесия.

Приходил искупаться и погруженный в расчеты инженерный состав.

В один из таких дней мы загорали на одном из островков, обсуждали идею отремонтировать найденную полчаса назад старую лодку, весло от которой лежало рядом, оставалось добыть где-то второе. Вдруг увидели медленно бредущего с газетой в руках главного инженера. Мы притаились в тальнике. Борис Борисыч же двигался напрямик к нашему острову. С той стороны островка, куда он шел, вода была мелкая, а с другой, где лежали мы - сразу с головой.

Главный инженер подошел к речке, огляделся по сторонам и перешел на островок. Выглядев уютное и скрытое местечко и пожухав газету, Борис Борисыч снял штаны и присел. Да, это не в вонючем деревянном нужнике слушать жужжание навозных мух. Раздалось умиротворенное кряхтение.

Мы находились от него в метре с лишним, взглянув друг на друга, мгновенно выработали план, поняв друг друга без слов. Боясь быть обнаруженными, мы очень тихо подсунули лопасть весла под то место, куда по нашим расчетам должен был упасть «продукт», произведенный Борис Борисычем. Всё произошло так, как мы рассчитали. Сделал он «дело» быстро, но еще долго кряхтел и тужился.

Леша тихонечко вернул весло обратно и опустил в воду. Еще, чуть выждав, мы нырнули очень тихо с головою за уплывающим по течению веслом и вынырнули метров через двадцать у другого острова ниже по течению. Спрятав весло в тальнике, мы пошли к нашей избе, громко напевая какую-то песню. Краем глаза мы видели главного инженера, который шарил палкой по траве, где он приседал.

Мы сделали вид, что не заметили его, так как пришли на берег с противоположной стороны, и стали подниматься в горку.

В избе Наташка поила всех деревенским квасом, обсуждали предстоящие работы в лесу. Через полчаса вернулся главный инженер и был очень мрачен и задумчив, нервно как-то почесывал свою бороду. Присев за стол, изрек: «Мужики, у меня что-то серьезное с кишечником или головой...»

Все вопросительно воззрились на него, за исключением вышедшей куда-то Наташки. И тут Борисыч поведал, что есть у нас такая национальная черта в характере: сделав деликатное дело «по-большому», наш мужик обязательно посмотрит на произведение организма своего. Немец, например, никогда этого делать не станет. Все согласно закивали головами.

И он рассказал о казусе, который с ним только что произошел. Он тоже хотел вперить взгляд в свой «шедевр», но его не было. Следы на газетке есть, а результата нет. И Главный как бы убеждал, что ведь он «сходил», а куда исчезло всё - неизвестно...

Тут же посыпались реплики и хохотки: «заработался Борисыч», «НЛО, наверное» и все в таком духе. Но «несчастье» его разделяли. Мы держались по-космодемьянски до следующего дня.

Перед обедом затеяли разговор о вчерашнем происшествии. Борисыч сразу же помрачнел. И тут мы раскрыли тайну исчезновения «результата». Мужики валялись покато по всем лавкам. А выражение: «Мужики, у меня что-то с кишечником или головой» стало крылатым в коллективе и употреблялось к месту и не к месту до окончания экспедиции, всегда поднимая настроение...